

Кроме экономических вопросов, данные предложения позволяют решать вопросы экологии. Так, один комплекс по переработке 55 тыс. м³ низкосортной лиственной древесины и отходов обработки сохраняет от рубки почти 800...1 000 га хвойного леса ежегодно. Перевод одного только Братского ЛПК на переработку лиственной древесины вместо хвойной даст возможность сократить рубку хвойного леса на площади 2,5 тыс. га ежегодно, а по всем предложениям — на 350 тыс. га. Увеличение ресурсов лесоматериалов без возрастания объемов рубки хвойного леса и решение при этом вопросов экологии — задача всех работников, связанных с лесом.

Поступила 19 сентября 1989 г.

УДК 630*9

ЛЕСНОЙ КОМПЛЕКС: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Г. В. СТАДНИЦКИЙ, А. Ф. ИГНАТОВ

Ленинградский технологический институт ЦБП

ЛенНИИЛХ

Перестройка и обновление нашего общества не могут не коснуться такой сферы, как лесопользование. Средообразующая значимость лесных экосистем неизмеримо возрастает, в сравнении с прошлым, на фоне резко ухудшающейся глобальной экологической ситуации. Это означает, что в системе лесопользования ныне и в будущем должны господствовать экологические приоритеты. Речь идет о том, что лесной комплекс страны должен быть ориентирован в своей деятельности не только и не столько на потребление сырья, сколько на сохранение качества окружающей среды. Лесная экосистема функционирует по своим определенным законам, являющимся предметом науки — лесной экологии, которую принято называть лесоведением, или, согласно Г. Ф. Морозову, учением о лесе.

Учебник «Лесоведение» акад. И. С. Мелехова начинается словами о том, что лесоведение является естественно-исторической основой лесоводства, его составной частью. Что касается лесоводства, то оно, наряду с другими функциями, разрабатывает теорию и практику рубок главного и промежуточного пользования. Сходной точки зрения относительно роли лесоведения придерживались практически все другие крупнейшие русские лесоводы. Однако это положение можно принять лишь с определенной оговоркой: вместо слова «является» необходимо поставить «должно быть», ибо текущая практика ему не соответствует.

Логическим продолжением лесоводственно-экологической парадигмы (Г. Ф. Морозов, М. Е. Ткаченко, И. С. Мелехов) является теория непрерывного неистощительного лесопользования, закрепленная Основами лесного законодательства СССР и союзных республик (1977). На деле же приверженность этому биологическому и юридическому принципу лишь декларируется. В течение десятилетий этот принцип (и законодательство) хронически нарушается без какой-либо ответственности нарушителей. Исключения крайне редки. Еще Г. Ф. Морозов утверждал, что рубка леса — синоним лесовосстановления. К современной практике лесопользования это утверждение отношения не имеет. Сплошные концентрированные рубки на площади около 2,5 млн га ежегодно осуществляются в соответствии с требованиями интенсивного лесопользования и при отсутствии элементарных лесоводственных мероприятий за последние десятилетия и не отвечают биологическим законам леса. Целям извлечения древесины подчинена деятельность даже лесохозяйст-

венных предприятий, обязанных давать ликвидную (товарную) древесину в процессе сплошных и выборочных санитарных рубок, а также рубок ухода. Объемы рубок, как правило, не соответствуют расчетным лесосекам. Только на 1989 г. по РСФСР запланированный переруб составляет 19 млн м³. Рубки ухода, проводимые в лесах всех трех групп, фактически превратились в «рубки дохода».

По результатам лесоустройства для Ленинградской области ежегодный объем выборочных санитарных рубок установлен 19,4 тыс. м³, а проходных — 194,9 тыс. м³. Фактический же объем рубок, например, в 1987 г. по объединению Ленлес составил соответственно 27,7 тыс. м³ (142 % к плану) и 324,1 тыс. м³ (166 %). При этом выход деловой древесины от санитарных рубок был равен 188 %¹ к плану, а от проходных — 218 %. При выборочных санитарных рубках выход деловой древесины увеличился на 11 %, а при проходных — на 14 %. Эти данные убедительно показывают, что целевые рубки, теоретически направленные на оздоровление и улучшение роста лесов, фактически имеют единственной целью «получение» деловой древесины. Объем древесины от рубок ухода по Ленинградскому ПЛХО составил в 1988 г. 811 тыс. м³ ликвида, т. е. половину от всего объема главного пользования (1 402 тыс. м³). Это приводит к ухудшению качественных показателей древесины, предназначенной для главного пользования в будущем.

Понятно, что эти обстоятельства исключают реализацию принципа непрерывного неистощительного пользования лесом.

Рассмотрим последовательно другие условия, при которых этот принцип может быть выполнен.

Структура и объем запасов древесины. Эти показатели являются решающими при определении режима лесозаготовки. Они определяют ответ на вопрос «богаты ли мы лесами?». Думается, что утверждения о необозримости наших лесных богатств, как и об их постоянном наращивании, относятся к области мифологии, и фактически мы близки в этом отношении к банкротству, хотя, например, запасы древесины по Европейскому Северу страны оцениваются в 5,6 млрд м³. Одна из причин дефицита древесины, на который постоянно ссылаются работники Минлеспрома СССР, заключается в несоответствии между имеющимися лесозаготовительными мощностями и доступными запасами сырья. Это — результат ориентации на «кочевые» принципы лесозаготовки, при которых лесосечный фонд использовался не полностью, а лесовыращивание в должных объемах не осуществлялось: рубили то, что располагалось поближе, что взять было проще.

Аналогичное положение и в других регионах, в частности в Сибири. При этом не учитывался, но неукоснительно действовал простейший экономический закон: «чем дальше в лес, тем дороже куб».

Северо-Запад европейской части СССР (Ленинградская, Псковская, Новгородская, Архангельская области, Карельская АССР) не считается лесодефицитным*, причем, по данным учета лесного фонда, за последние 20 лет соотношение хвойных и лиственных лесов практически не изменилось. Однако это лишь видимость благополучия и стабильности в породном составе древесины, т. е. один из существующих мифов. Есть данные, что на Северо-Западе площади, занятые хвойными лесами, уменьшились на 8 %, причем за последние 60 лет (при среднем обороте рубки в 80 лет) — на 25 %. Если в 50—70-е гг. древесина хвойных пород в расчетной лесосеке составляла 80...85 %, то

* В настоящее время регион стал лесодефицитным, что признано в ряде публикаций, в том числе официальных. — *Ред.*

сейчас в Ленинградской области — 50 %, Новгородской и Псковской — 43...45 %.

Режимы лесозаготовки. Соблюдение установленного возраста рубки (оборота рубки) — важнейшее условие выдерживания рассматриваемого принципа. Однако возрасты рубок определяют исходя не из реального возраста количественной и технической спелости леса (для конкретного региона), и не по лесоводственно-экологическим соображениям, а исключительно согласно требованиям лесозаготовителей. Известно, что в 1952 г. возраст рубки эксплуатационных хвойных лесов региона равнялся 101...120 годам, а лиственных — 71...80, сейчас же он снижен соответственно до 81...100 и 51...70 лет. Фактически по настоянию Минлеспрома «в виде исключения» (фактически — правило) вырубались 70—90-летние древостои.

Именно двойственная природно-ресурсная значимость лесов, а не какие-либо иные причины, обусловили в нашем лесном законодательстве жесткие правила рубок, режимы лесозаготовки. Только поэтому леса разделены на три группы по целевому назначению. Поэтому необходимо выдерживать сроки примыкания лесосек и их ширину, сохранять семенники, ремизы. Но ведомственные интересы оказываются выше экологических и хозяйственных императивов даже для тех, чьей прямой обязанностью является сохранение и восстановление лесов.

По мнению зам. министра А. Савченко (Прокрустово ложе // Лесн. пром-сть.— 1987.— 29 сент.), установленные законом правила лесозаготовки являются «прокрустовым ложем» для лесозаготовителей, а с точки зрения Н. А. Медведева (Себе и потомкам // Лесн. пром-сть.— 1986.— № 15 и 16), все ограничения на рубку леса просто вредны. 8 января 1988 г. та же газета выступила со статьей, в которой требуется отменить все ограничения на рубки в лесах первой группы (экологически значимых) и снизить возраст рубки. В книге С. Г. Синицына «Рациональное лесопользование» (М.: Агропромиздат, 1987) утверждается и «научно» обосновывается, что не тот лес спелый, в котором сложился максимальный запас и прирост древесины, а тот, который уже можно использовать, например, в целлюлозно-бумажном и гидролизном производстве. Таким образом, доказывалось, что в стране фактически нет неспелого леса: на щепу можно переработать и столетнюю, и двадцатилетнюю древесину!

Именно эти идеи настойчиво проводились при обсуждении схемы развития лесного комплекса в Сыктывкаре в 1986 г., а также при обсуждении генсхемы развития Минлеспрома на период до 2005 г. в Госплане СССР в мае 1987 г. В ряде районов Минлеспром уже добился права вести промышленные лесозаготовки в зеленых зонах водохранилищ, т. е. в водозащитных, нерестоохраняющих лесах.

Во всех упомянутых статьях, книгах и схемах практически нет конкретных предложений относительно решения ресурсных проблем отрасли за счет ресурсосбережения.

Лесовосстановление. Вернуться в конце срока оборота рубки на первые площади, с которых древесина была изъята в самом начале, лесозаготовители могут лишь в том случае, если лес будет здесь немедленно после рубки восстановлен и далее доведен до кондиций. Это является функцией лесохозяйственного производства. В статье зам. председателя Гослесхоза СССР А. И. Писаренко* приводятся данные о громадных объемах лесовосстановительных работ, выполненных лесным хозяйством за последние десятилетия, включая создание лес-

* Писаренко А. И. Состояние и перспективы развития лесовосстановления // Лесн. хоз-во.— 1989.— № 7.— С. 2—6.

ных культур, осушительные мелиорации. Около 4 млн га (точных данных не имеется) в 60—70-е гг. было обработано арборицидами для уничтожения так называемой «сорной» растительности, чтобы предотвратить ее «конкуренцию» хвойным породам. Все это должно убедить, что уже на стыке столетий на лесоперерабатывающие предприятия начнет поступать деловая древесина, созданная лесным хозяйством за последние 35...40 лет. В действительности же здесь имеет место очередная миф, и ни настоящее, ни будущие поколения этой древесины не увидят, так как ее просто нет. Вопрос о том, сколько смен в 2010 г. будут работать Сыктывкарский, Братский, Архангельский или любой другой лесопромышленный комплекс на искусственно выращенном сырье, имеет однозначный ответ: ни часа.

Как же понимать утверждение руководителей лесного хозяйства об успехах в лесовосстановлении? Здесь мы сталкиваемся с весьма своеобразным, хотя и вполне целенаправленным явлением — сопоставлением «аршинов с пудами». Лесозаготовители измеряют заготовленную древесину в кубометрах, лесопереработчики выпускают продукцию в тоннах или рублях, а лесное хозяйство восстанавливает леса в гектарах. Более того, почти все плановые и отчетные показатели работы лесхозов (вплоть до перевода площадей в лесопокрытые, но за исключением прореживаний, проходных рубок и главного пользования) исчисляются в гектарах. Понятно, что в такой ситуации о непрерывном неистощительном лесопользовании не может идти речи.

Именно здесь мы сталкиваемся с противоестественными издержками волевого планирования лесохозяйственных мероприятий «сверху» без учета реальной необходимости и целесообразности. В результате лесхозы идут на действия, несовместимые не только с наукой, но и с законодательством: для выполнения заведомо нереальных планов и «освоения» отпущенных средств под пологом леса уничтожается благонадежный подрост и создаются культуры (см., например, статью С. Малова «Рассудку вопреки» // Лесн. пром-сть.— 1988.— 31 марта). Созданные на десятках тысяч гектаров лесные культуры в течение первого же десятилетия погибают на 80...95 %. Правда, «списывать» их запрещено, поскольку они переведены в закультивированную (и лесопокрытую) площадь, фигурируют в отчетах отрасли. Разумеется, во многих лесхозах, во всяком случае в зонах с относительно интенсивным хозяйством, можно найти и удачные культуры, но их площади и запасы древесины невелики. В чем же причина провала (а именно так и следует оценивать ситуацию) системы лесовосстановления? Она состоит, с одной стороны, в игнорировании объективных законов экологии, а с другой, в необоснованной уверенности лесоводов, что природными процессами можно управлять с помощью силовых методов. Здесь нет возможности рассматривать все множество ситуаций, когда достижения лесоведения как естественно-исторической базы лесоводства не принимаются во внимание. Остановимся на одном (с нашей точки зрения, главном) просчете лесоводов.

В силу изобретенного природой задолго до человека «севооборота», после вырубки ели и кедра, как правило, на месте бывшей экосистемы не может возникнуть аналогичная. Должна пройти ротация, смена хвойных осинной, березой, ольхой. Направленный против законов природы принцип «долгой смены пород» неукоснительно и безуспешно соблюдается лесным хозяйством с колоссальными затратами средств, энергии, техники, трудовых ресурсов.

Конечно, сломать природу — дело нехитрое, и старые русские и советские лесоводы успешно делали и делают это на долях гектара, в лучшем случае — на десятках (редко сотнях) гектаров. Но успешные

мелкоделяночные опыты стали распространять на тысячи гектаров, забывая, что такой искусственный лес, чтобы выжить, становится на долгие десятилетия иждивенцем-нахлебником народного хозяйства. Вспомним, что колхозник, идущий на рекордный падой молока или урожай свеклы, всегда ограничивает численность стада или площадь поля. Он знает, что от 50 коров нельзя получить средний падой, который дадут 10 коров, а урожай 1 га нельзя пропорционально пересчитывать на сотни гектаров.

Выдающиеся успехи русского лесоводства в области лесовосстановления — это тоже, в сущности, красивый миф. От прошлого нам остались уникальные памятники, площади которых составляют лишь малую долю от изначальной произведенных культур. Это прекрасно показано в известной книге И. В. Трешевского и Г. И. Редько «Рукотворные леса» (М.: Агропромиздат, 1986) и было отмечено в нашей рецензии на данную книгу (Лесн. журн. — 1987. — № 3. — С. 130—132).

Ускоренное лесовыращивание. Идея о том, что деловую древесину можно получить ускоренным способом, сократив сроки ее формирования за счет химизации, механизации, достижений генетики и селекции, уходов, в течение многих десятилетий занимает умы лесоводов. Именно на многих примерах попыток реализации этой идеи становится особенно очевидным разрыв между классическим лесоведением и практическим лесоводством. Во-первых, все сказанное выше относительно распространения результатов мелкоделяночных удачных опытов по созданию лесных культур на большие площади в полной мере справедливо для таких крупномасштабных и окончившихся безрезультатно мероприятий, как осушительная мелиорация, применение химического ухода за составом молодняков. Гослесхоз СССР, Госплан СССР, вопреки мнению лесоводов на местах, вынуждали их выполнять колоссальные планы таких мероприятий, для чего зачастую не только не хватало средств и сил, но просто не было площадей, где можно было бы получить экономически значимый эффект в виде товарной древесины.

В последние годы, не отчитавшись древесиной за осушение и применение арборицидов, лесное хозяйство и лесная промышленность, основываясь на постулатах некоторых групп научных работников (например ЛенНИИЛХа), стали делать ставку на ускоренное (вдвое по сравнению с естественным) выращивание товарной древесины в условиях так называемых плантационных культур. При этом авторы идеи не произвели никаких прогностических расчетов, полностью абстрагировавшись от фактических потребностей в сырье лесоперерабатывающих отраслей даже в ближайшем будущем.

Плантационные культуры мыслятся в качестве постоянной сырьевой базы для целлюлозно-бумажной промышленности. Приведем простейшие расчеты. Средний ЦБК расходует в сутки 5...6 тыс. м³ древесины. При среднем запасе 100-летнего древостоя 200...250 м³/га потребуются в сутки вырубать 25...30 га. Годовая потребность при этом (считая 300 дн работы) — 8...9 тыс. га. Предположим (хотя это явно нереально), что данный запас достигается не в 100, а в 50 лет (оборот рубки). Следовательно, общая площадь сырьевой базы только одного комбината составит округленно 400 тыс. га, причем 80 % продукции будет находиться в состоянии незавершенного производства. Ясно, что такое просто невыполнимо.

Например, в Горьковской области за 3 года сделано около 12 тыс. га посадок ели, т. е. (если будет древесина) обеспечена примерно годичная потребность Балахнинского ЦБК. Да и культуры сделаны как самые обычные, нестандартным и не селекционно улучшен-

ным материалом (его просто нет), вопреки проектам. Значит, сырьевую базу в целом будут создавать... 100... 120 лет.

Но хуже другое. Площадей под такие культуры (а леса должны быть расположены по возможности компактно, удобно для заготовки) фактически нет. Поэтому бульдозерами уничтожается уже растущий, готовый, даровой лес. Из выступлений лесничих на совещании по плантационным культурам в Горьком в 1985 г. следовало, что выкорчевывать приходится до 60... 80 м³ древесины на 1 га. А ведь эти леса дали бы без всяких затрат нужное комбинату сырье через те же 50 лет. Следовательно, лесное хозяйство, которому поручено хранить и восстанавливать лес, уничтожает его. Надо сказать, что Горьковская область находится в относительно благоприятной с точки зрения климата и почв зоне. Но плантации предполагается делать также в Карелии, Коми АССР с их суровым климатом и бедными почвами.

Еще более удручающая ситуация сложилась ныне в Ленинградской области, где по решению Минлесхоза РСФСР базовым предпринятием по плантационному лесовыращиванию избран Волосовский мехлесхоз. Свободные площади, приемлемые для создания плантационных культур (I—Iа классы бонитета), практически отсутствуют. Поэтому, согласно проекту Союзгипролесхоза и жесткому требованию Минлесхоза РСФСР выполнить план, к настоящему времени на площади уже более 100 га уничтожены еловые массивы 40—120-летнего возраста (зато выполнены и перевыполнены планы по лесозаготовкам). Молодняки просто выкорчеваны. На их месте случайным посадочным материалом вручную сделаны культуры ели — самые обычные, ничего общего с плантационными не имеющие, если не считать того, что технология ЛенНИИЛХа предусматривает фактическое уничтожение плодородного горизонта почвы вплоть до обнажения материнского грунта с последующей компенсацией его... химическими удобрениями. ЛенНИИЛХ предоставляет лесхозу эти удобрения, так как сам лесхоз их, естественно, не имеет. Попытки лесоводов сопротивляться влекут за собой санкции, причем со ссылками на руководящие документы XXVI и XXVII съездов КПСС. Аналогичная ситуация складывается во всех лесхозах Северо-Западного региона. В статье для научного издания, может быть, неуместно приводить подобные факты, но, с другой стороны, именно на его страницах необходимо сопоставить науку и практику.

Утилизация сырья. Принцип непрерывного неистощительного пользования способен «работать» только при условии полной утилизации всего отводимого в рубку запаса, включая как хвойные, так и лиственные породы. Однако коэффициент утилизации древесины в стране не превышает 0,35 (в других лесных странах — не менее 0,95). Ресурсный цикл древесины от момента заготовки до переработки сопровождается большими потерями, причем во многом такое положение диктует техническая политика Минлеспрома, почти не использующего древесину лиственных пород, а также лиственницы. Система эксплуатации лесов такова, что вывозка древесины отстает от темпов ее заготовки. В результате хронически вырубается больше, чем вывозится, а вывозится больше, чем утилизируется. Аргументируя трудности Минлеспрома в выполнении государственных планов дефицитом древесины, его руководство осуществляет лесоэксплуатацию с полной бесхозяйственностью. Недорубы, например, в Карельской АССР составляют 40... 50 % эксплуатационного фонда, в Ленинградской области достигают 30 %. Из каждой тысячи кубометров вывозимой древесины (это не более половины от срубленной) в СССР производится в два с лишним раза меньше фанеры, чем в соседней Финляндии, картона — в 3,7 раза, целлюлозы — почти в 6 раз, бумаги — в 9, древесной массы — в 13,6. Та-

ким образом, лесовосстановительные работы лишь в некоторой степени способны компенсировать непроизводительные потери древесины, при условии, что они всегда были бы успешными. Возникает вопрос, как планы Минлеспрома по заготовке и вывозке древесины увязаны с реальной сырьевой базой и каким образом может осуществляться принцип непрерывного неистощительного лесопользования? Огромные потери древесины на транспорте, особенно водном. Известно, что в результате молевого и нарушений технологии плотового сплава только в дельте Северной Двины в воде покоится по ориентировочным оценкам около 500 тыс. м³ древесины, не считая того, что осело по берегам рек. В Ленинградской области леспромхозы спешат вырубить древесину как можно быстрее и больше, но полностью ее никогда не вывозят. При этом им создан режим максимального благоприятствования со стороны лесного хозяйства: они имеют право взять отсрочку вывозки на срок до года, чтобы не платить штрафы за невывезенную древесину. Понятно, что пролежавшая на делянке древесина по истечении года утрачивает свои деловые качества, и вывозить ее не имеет смысла.

Порочная система штрафов ничего не решает. Штрафы уплачиваются государству из государственного же кармана, но эти символические деньги не могут компенсировать уже состоявшихся безвозвратных убытков. Именно неполная утилизация древесины ведет к хроническим перерубам расчетной лесосеки, т. е. к преждевременному истощению сырьевых ресурсов. Так, среди сохранившихся лесов Карелии припевающие и средневозрастные насаждения составляют 60...80 % от нормы, т. е. рубка спелых не может быть компенсирована естественным путем. В той же Карелии перерубы расчетной лесосеки достигают по отдельным лесхозам 30 %. Кроме того, они заранее планируются за счет завышения выхода деловых сортиментов. Неизбежное ухудшение характеристик лесного фонда в целом по региону вынуждает в ближайшей перспективе снизить расчетную лесосеку на 25 % (с 28,6 до 21,3 млн м³ в год). Это вызывает серьезную тревогу со стороны Минлеспрома, но последний не делает ни малейших попыток компенсировать это снижение за счет полной утилизации и рациональной эксплуатации лесных ресурсов.

Во всем мире уже не существует деления древесных пород на ценные и сорные. В то время как мировая наука работала в направлении совершенствования структуры утилизации и глубокой переработки древесины, наши лесоводы и по сей день направляют свои усилия на бесплодные попытки дорогостоящего выращивания хвойных за счет уничтожения естественно и бесплатно выращиваемых природой лесных ресурсов. Последние разработки японских специалистов направлены на переход к «биомассному» лесоводству (*biomass forestry*), при котором лесное сырье должно использоваться в качестве исходного полимера для получения широкого ассортимента товаров от бумаги до строительных материалов*. При этом не будет иметь значения породный состав лесов, обороты рубки могут сократиться, а большие площади лесов нестроевого значения сохранят за собой преимущественно средообразующее значение. С этих позиций проблемы ускорения лесовыращивания за счет лесных культур, уходов за ними, осушительных мелиораций, арборицидов и, наконец, пресловутых плантационных культур перестают быть актуальными, а народное хозяйство сможет высвободить колоссальные средства для самых неотложных нужд**.

* Satohiko Sasaki. Forestry in the High Technology Period // Japan Forest Technical Association — Forest Technology: Monthly. — Jan. 1988. — N 550.

** Авторы недооценивают значение хвойной древесины. — *Ред.*

Все сказанное не означает, что мы призываем отказаться от лесовосстановления вообще, но его стратегия нуждается в радикальной перестройке, как и вся деятельность лесного комплекса.

Совершенно нетерпимо далес положение, при котором лесное хозяйство с подачи лесохозяйственной «науки» упорно пытается вопреки объективным биологическим закономерностям (в частности сукцессионным процессам в экосистемах) ориентироваться в лесовосстановлении на удовлетворение устаревших технологий утилизации древесины.

Непременным следствием текущего состояния и современной политики лесозаготовки может быть уже к началу следующего столетия сырьевой кризис в отрасли, неизбежно ведущий к кризису экологическому, если иметь в виду глобальную средообразующую роль лесных экосистем, фактически определяющих экологию государства.

Эту угрозу невозможно устранить при помощи полумер в виде отдельных постановлений, перекраивания ведомственных границ, выявления тех или иных злоупотреблений, наказаний и штрафов. Необходимо осуществить систему юридических, организационных, технологических мероприятий в направлении радикальной перестройки всего лесного комплекса.

К юридическим мероприятиям мы относим необходимость срочной разработки Государственного лесного закона взамен недействующих сегодня Основ лесного законодательства. Единственным и полномочным хозяином леса (как источника сырья и средообразателя) должно быть государство, а не ведомства и министерства. Осуществление лесозаготовки и лесовосстановления должно полностью контролироваться по всей территории страны без исключения соответствующим государственным органом в лице комитета или союзного министерства лесного хозяйства. Нынешние Основы лесного законодательства, провозглашая на словах исключительную собственность государства на леса, фактически ставят органы лесного хозяйства в подчинение многочисленным лесопользователям, являющимся реальными хозяевами лесного фонда и эксплуатирующими его без какого-либо контроля и ответственности за судьбу леса. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР (1988 г.) о совершенствовании управления лесным хозяйством и лесной промышленностью фактически отменило Основы лесного законодательства СССР.

В итоге полномочные «хозяева» лесного фонда в так называемых «многолесных» районах выступают как безответственные потребители, стремящиеся взять побольше, поближе, подешевле, уклониться от лесовосстановления, уйти от всякого контроля за обращением с сырьем, любой ценой обойти экологически обоснованные и закрепленные советским законодательством правила рубок, действующие ограничения. А лесхозы сами имеют напряженные планы по лесозаготовкам и могут их выполнить только при технической помощи тех же лесозаготовителей. Какой уж тут контроль! Да и само лесное хозяйство, как мы видим, не столько рачительный хозяин, сколько обычный нахлебник.

Весь лесоресурсный цикл от заготовки древесины до лесовосстановления целесообразно сосредоточить в одних руках комплексных лесопромышленных предприятий, освобожденных от гнета супермонополии Минлеспрома, подлежащего расформированию.

Наилучшие условия для повышения качества лесохозяйственных работ сложатся в том случае, если за Госкомлесом СССР законодательно закрепить все без исключения леса гослесфонда, наделив его функциями фондодержателя, ответственного перед государством за состояние лесного фонда страны, освободив от необходимости вести какие-либо рубки, другую производственную деятельность. Главная задача органов лесного хозяйства — организация рационального исполь-

зования всех полезностей леса, регулирование и прогнозирование их потребления, контроль за ними, в частности, за деятельностью лесопромышленных предприятий, которым указывается где, когда, сколько, как и какой древесины можно взять. Будучи совершенно независимыми от этих предприятий, органы лесного хозяйства смогут на деле осуществлять жесткий, повседневный и действенный контроль за рубками, лесокультурными работами и т. д., оплачивая их или не оплачивая (в случае каких-либо нарушений) из собственных средств, полученных от оплаты любого вида лесопользования.

В новом лесном законе должны быть исключены все положения, которые так или иначе превращают местные Советы из органов, контролирующих выполнение лесного законодательства, в органы, систематически его нарушающие. Так, в настоящее время в Ленинградской и ряде других областей и республик страны стало обычным явлением создание садоводческих кооперативов и товариществ исключительно на землях лесного фонда в лесах первой группы. Причем местные Советы обязывают органы лесного хозяйства отводить не те земли, которые считает возможным отвести лесное хозяйство, а те, которые наиболее удобны для кооперативов. Думается, что отвод именно лесных земель под любые нелесные нужды должен быть исключен специальной статьей закона.

Спелые, подлежащие рубке древостой могут отдаваться в эксплуатацию на основе открытых торгов (аукционов), причем при условии гарантированного возобновления древесины на вырубках. При этом лесному хозяйству предоставляется право продавать древесину любых древесных пород и в любых объемах, диктуемых исключительно соображениями непрерывного неистощительного лесопользования и сохранения лесами их средообразующих функций. Это неизбежно заставит перерабатывающие предприятия ориентироваться в технической политике на реально имеющуюся древесину.

Все это не следует связывать с отказом от финансирования деятельности Госкомлеса СССР из госбюджета. Перестройка экономической организации лесного хозяйства должна связываться с изменением не источника финансирования, а действующего ныне порядка возмещения затрат на лесохозяйственную деятельность.

В законодательстве должна быть отражена и система планирования лесохозяйственной деятельности, точнее — полный отказ от планирования «сверху».

Планирование может основываться только на достоверных научных данных, рекомендациях лесоустройства, имеющих силу закона.

Нормой должно стать только дифференцированное лесовосстановление на основе лесоводственно-экологического прогнозирования. Искусственно восстанавливать лес имеет смысл только там, где лесные культуры необходимы и смогут вырасти. В других случаях придется согласиться со сменой пород, поскольку «сломать» ее не хватит ни сил, ни средств. Нужно более жестко подходить к отбору насаждений, в которых целесообразна хозяйственная деятельность. При лесоустройстве следует выделять высокопродуктивные насаждения, которые наилучшим образом реагируют на хозяйственные мероприятия (рубки ухода, мелиорацию, постепенные рубки и т. д.) и только для них рассчитывать объем всего спектра лесохозяйственных работ. В остальных насаждениях ограничиваться необходимыми и срочными работами: охраной лесов, санитарными рубками и т. д. Это позволит сэкономить значительные средства и сконцентрировать усилия лесохозяйственных мероприятий на создании лесов будущего, наиболее отвечающих целям лесовыращивания, используя последние достижения лесной науки.

Естественно, что при этом возникнут проблемы соотношения текущего и перспективного планирования воспроизводства леса и посевания делового сырья с планами лесопотребления. На основе ресурсно-сырьевого прогноза лесопереработки придется гибко приспосабливать мощности и технологии переработки древесины к реальным видам сырья, что потребует отказа от сложившегося стереотипа планирования, когда две трети вложений в лесной комплекс направляются на цели заготовки древесины, а только треть — на развитие ее глубокой переработки. Надо — наоборот.

В настоящее время предприятия не только Минлеспрома СССР, но и Госкомлеса СССР заинтересованы преимущественно в таких научных разработках, которые увеличивают производительность труда на лесозаготовительных и других работах, но не направлены на повышение качества работ и эффективность лесовосстановления, на экологическую безопасность технологий; в связи с этим разрабатывается лесозаготовительная техника, приспособленная только к сплошным рубкам и без учета лесоводственных требований, задерживается внедрение технологий, способствующих переработке низкосортной древесины или древесины мягколиственных пород.

Именно закон должен стимулировать создание совершенных в техническом, эргономическом и технологическом отношении машин и механизмов для лесовосстановительных и лесозаготовительных работ, с обязательной приоритетностью экологических требований к ним. Это касается и технологий переработки пока мало используемых видов сырья (низкооварная, мягколиственная древесина и др.).

Страна не располагает научно обоснованной концепцией развития лесного комплекса на обозримое будущее. Причем если основой стратегии лесного хозяйства признаны экологические приоритеты, то в отношении лесопереработки остается полная неопределенность. Хотя уже сегодня ясно, что через 30...50 лет структура лесопотребления радикально изменится. Отсюда вывод: плантационные культуры — дело заведомо ненужное, ибо ориентированы они на сохранение существующих принципов лесопотребления, т. е. на вчерашний день.

И последнее. Проблема лесного хозяйства — это во многом проблема кадров. Ежегодно сотни выпускников лесохозяйственных факультетов и отделений вузов приходят на производство. А более половины лесохозяйственных предприятий РСФСР возглавляют специалисты в области лесозаготовок, выпускники лесоинженерных факультетов. Практически отсутствует преемственность кадров. Существующее положение в лесном хозяйстве неизбежно порождает тяжелый социально-психологический климат, и кадры не держатся на местах. Если лесничий выпущен делать (за сравнительно низкую зарплату и в тяжелых бытовых условиях) заведомо не то, чему его учили в вузе, то рассчитывать на его ответственность и уважение к профессии не приходится.

По-видимому, настало время придать лесничему статус государственного человека, максимально обеспечить его материальными и социальными благами, но конституционно ограничив право на уход из отрасли и перемену места работы. Когда-то существовал корпус лесных офицеров. Думается, что аналогия понятна без дополнительных комментариев.

Авторы отнюдь не рассматривают свои позиции в качестве истины в последней инстанции, во всяком случае в отношении будущего. Что же касается настоящего, текущего положения в лесном комплексе, то оно далее нетерпимо, и здесь не может быть дискуссий.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ И ОБМЕН ОПЫТОМ

УДК 630*425

КИСЛОТНЫЕ ОСАДКИ И ЛЕС

И. С. МЕЛЕХОВ

Московский лесотехнический институт

Среди острых проблем современной экологии видное место заняли кислотные осадки («кислые дожди»), вызывающие тяжелые последствия в природе. Они порождаются некоторыми техногенными загрязнителями воздуха, приводящими к тому, что pH осадков становится ниже, чем у незагрязненной дождевой воды.

Основные загрязнители — окислы серы, главным образом сернистый ангидрид (SO_2), и азота (NO_x), превращающиеся, при превышении некоторого порогового минимума, в серную (H_2SO_4) или азотную (HNO_3) кислоту. Это продукты выброса вредных газов крупными промышленными предприятиями, приводящие к окислению дождей при определенном состоянии атмосферы.

От таких осадков страдают водоемы, растительный покров, включая леса, почву, животный мир, и в конечном счете — люди.

При этом кислотные осадки, получая изначальный импульс в индустриальных районах, выпадают не только на их территории, но и переносятся в соседние и более отдаленные районы.

Первые тревоги с появлением кислых (кислотных) осадков были связаны с водоемами, прежде всего озерами Канады, США, Скандинавии, в которых погибла рыба. Другие организмы и озера в целом стали мертвыми. Как свидетельствует еженедельный журнал «Нью Сайентист», в штате Нью-Йорк 199 горных озер весьма сильно окислены, в опасности находятся и другие 250 озер [6]. По данным агентства по окружающей среде США, в стране было обследовано 18 189 озер, из которых около 4 % оказались чрезвычайно кислыми, 18,5 % — в угрожающем положении. Потери только на востоке США исчислены в 7 млрд долларов в год [4]. Появилась серьезная тревога и за леса. Лесоводы Северной Америки, Центральной и Западной Европы почувствовали это на собственном опыте. С этим столкнулись и лесоводы Советского Союза.

Об этом пишут и международные, и национальные лесные журналы. Появились книги с тревожными заголовками. Например, в ФРГ в 1983 г. вышла книга под названием «Природа без защиты» [3].

В 1982 г. на Стокгольмской конференции по acidификации окружающей среды отмечалось, что от 50 до 60 млн т двуокиси серы ежегодно проходит с Запада через Европу, не считая 6 млн т других вредных примесей. По недавним сведениям, в ФРГ ежегодно оседает 3,5 млн т двуокиси серы — вдвое больше, чем в 1950 г. (Справедливости ради заметим, что за последнее время положение в этой стране заметно меняется к лучшему).

Но в целом положение в мире остается тревожным. Как пишет М. Я. Лемешев [1], «только в атмосферу в мире выбрасывается ежегодно 200 млн. тонн окиси углерода, 150 млн. тонн двуокиси серы, которая возвращается на землю в виде кислотных дождей, наносящих лесам, посевам, людям и животным большой вред. Под их губительным влиянием Европа все более зримо превращается в «лысеющий континент». Из того же источника язвует, что в СССР общий выброс вредных веществ в атмосферу от стационарных источников достигает 65 млн т и от автотранспорта около 40 млн т.

Ученые ФРГ, Канады, США, Скандинавии, широкая общественность этих и других стран, Советского Союза выступают не только с общэкологическими тревожными заявлениями, но и с требованиями экологической безопасности лесов, в том числе и путем ликвидации источников, порождающих кислотные дожди. В одном из американских лесохозяйственных журналов помещена статья «Загрязнение убивает немецкие леса», написанная совместно западно-германскими и американскими лесоводами [7]. В ней отмечается опасность для Центральной Европы остаться без лесов и, более того, угроза в будущем международной экологической катастрофы.

Об этом же пишут в самой ФРГ лесоводы из отдельных районов страны, например из Шварцвальда, где в 70-х гг. за 10-летие поределели некогда «пышные кроны 200-летних пихт» и стали серыми вершины деревьев, достигающих 45-метровой высоты. «Если дело и дальше пойдет так же, — говорит директор местного лесохозяйственного предприятия, — то придется переименовать Шварцвальд (черный лес) в Граувальд (серый лес)» [3].